

Питер Чейни

ЖИЗНЬ ПОЛНА
НЕОЖИДАННОСТЕЙ

« А З Б У К А »

Лемми Кошен

Питер Чейни

Жизнь полна неожиданностей

«Азбука»

1942

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейни П.

Жизнь полна неожиданностей / П. Чейни — «Азбука»,
1942 — (Лемми Кошен)

ISBN 978-5-389-33582-0

Плавание из США в Англию превратилось в роковую лотерею. Немецкая подводная лодка потопила корабль, на борту которого находился американский лейтенант. Единственный выживший, он был подобран другим судном. Уцелел и портфель с очень важными документами по модернизации и механизации армии, которые лейтенант должен был передать английскому командованию. Но, добравшись до Англии, офицер почему-то не спешит явиться в Генштаб, а там вообще не знают о его существовании...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33582-0

© Чейни П., 1942
© Азбука, 1942

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Питер Чейни

Жизнь полна неожиданностей

Peter Cheyney
NEVER A DULL MOMENT

© И. Б. Иванов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Глава 1

Я прокололся!

Да, жизнь полна неожиданностей!

Не то слово! Может, ты один из тех парней, чья жизнь катится по накатанной, и всегда знаешь, чем займешься завтра. Хотел бы я так пожить, однако сейчас моя жизнь настолько туманна, что порой я не знаю, чем занимался вчера.

Скажите, я свихнулся? Может, так оно и есть.

Наверное, кто-то из вас слышал обо мне. Зовут меня Лемюэл Генри Коушен. Для вас просто Лемми Коушен. В потайном кармане у меня лежит удостоверение агента Федерального бюро расследований, и я вечно попадаю в разные передряги, связанные с моей профессиональной деятельностью. Большую часть жизни я провел, гоняясь за бандитами, жуликами, ворюгами разных мастей (вплоть до карманников), фальшивомонетчиками, наводчиками, орудующими в разных штатах, ушлыми похитителями людей, торговцами белыми рабынями, наркоманами и распространителями этого зелья, а также контрабандистами, шустрящими на приграничных территориях, и цыпочками, которые им помогают. Мне доводилось выслеживать и ловить всех, кто тем или иным образом нарушил закон в любой части Соединенных Штатов и слинял за границу. Я гонялся за толстяками и худышками, за теми, кто привык полагаться на свинцовые «аргументы» своего пистолета и кто рассчитывал за счет цветистой болтовни выпутаться из опасной ситуации.

Приходилось мне гоняться и за дамочками. По разным причинам. Нет, эти причины не имели ничего общего с любовными похождениями. Обычно я ловил опытных и настолько изворотливых дамочек, что, если бы они вдруг начали оказывать вам знаки внимания, для вас было бы куда безопаснее прыгнуть без маски в бочку со слезоточивым газом.

Иногда я гонялся за дамочкам и из-за сердечных дел. Было такое. Но вот что я вам скажу, ребяташки. Порой куда проще поладить с какой-нибудь ушедшей блондинкой из Оклахомы, нарушившей все мыслимые федеральные законы и законы своего штата, чем подступиться к настолько целомудренной малышке, которая опускает жалюзи на окне ванной всякий раз, когда ей кажется, что за ней в замочную скважину подсматривает какой-нибудь красавчик.

Я стою, прислонившись к решетчатым воротам. За ними простираются обширные владения местного гольф-клуба. Если вам вдруг любопытно: сейчас июль 1941 года, я в Бетчворте, графство Суррей, Англия. Очень милое место, и находиться здесь очень даже приятно. Впрочем, в моем нынешнем настроении мне понравилось бы любое место.

Одиннадцать часов вечера, но по-прежнему довольно светло, как бывает в этих широтах летом. Окружающее пространство выглядит великолепно. Пахнет травой, сеном и прочими летними ароматами. Меня окружают просторные лужайки, аллеи, окаймленные деревьями лайма, и еще много чего, что оценили бы вы, если являетесь любителем английских сельских пейзажей. Мне эти места понравились бы еще больше, будь я художником, а не обычным агентом ФБР, который не попадает на женские уловки, имеет скудное чувство юмора и мозоль на левой пятке.

Толкаю ворота, но они не открываются. Неудивительно. Я уже привык, что все происходит совсем не так, как бы мне хотелось, и не усматриваю в этом ничего странного. Однако я из тех парней, кто преодолевает возникшие препятствия. Упираюсь в верхушку забора, перемахиваю через него, задеваю ногой за прутик и распластываюсь, выбив собой приличный ком английской земли. Отпускаю несколько веселых и оптимистичных комментариев по этому поводу, отряхиваюсь и чешу по тропинке, что ведет через лужайки к липовой аллее.

Вообще-то, я намеревался отдохнуть в здешних краях, а вляпался в очередное дело. В один прекрасный день я попросту запрусь на кухне и буду раскладывать пасьянс, только бы не оказаться втянутым в водоворот обстоятельств, заставляющих меня делать то, чего мне не хочется.

Какой приятный здесь воздух. Днем стояла жара, но сейчас дует прохладный ветерок. Поднявшись на вершину холма, я вижу лишь продолжение липовой аллеи. Верчу головой в поисках дома. Ни намека. Наверное, кто-то из вредности взял и передвинул его. Прислоняюсь к дереву, закуриваю сигарету. Здесь я должен сделать отступление и рассказать вам, ребята, о своей поэтической натуре. Большую часть жизни я провел в поисках красоты. Какой именно? Она ходит с укладкой «помпадур» и в туфельках на четырехдюймовом каблуке. Изучение находящегося между этими крайними точками является моим хобби на протяжении многих лет. Это одна из причин, почему я философ, способный улизнуть всякий раз, когда ко мне приближается блондинка. Теперь вы знаете.

Однако не подумайте, что меня не трогает красота угодий здешнего гольф-клуба, на территории которого я сейчас нахожусь. Гольф – довольно глупая игра, но имеет свойство затягивать, впиваясь в человека мертвой хваткой. Именно игра в гольф помогает обитателям этого острова распевать «Выкатывай бочку»¹, когда немцы сыпят бомбы на Лондон, стараясь попасть в купол собора Святого Павла. Один умный парень сказал, что характер выковывает среда, в которой ты родился и вырос. Он знал, о чем говорил.

Снизу по склону поднимаются двое парней. Обычно таких называют энтузиастами. Один в форме ополчения. На плече висит мешок с клюшками для гольфа. У второго такой же набор этих орудий для пыток. Он в синей рубашке и с заметной лысиной. Возможно, они мне что-то подскажут.

Жду, когда они поравняются со мной, затем обращаюсь к ополченцу:

– Добрый вечер. Может, подскажете, как мне найти мистера Шрибнера? Макси Шрибнера. Насколько понимаю, его дом где-то поблизости.

Ополченец задумывается, потом отвечает, что, скорее всего, Шрибнер и есть человек, живущий в белом доме по другую сторону аллеи. Это за четырнадцатой лужайкой. Если по прямой, то в трех четвертях мили отсюда. Он указывает мне примерное направление, и они уходят.

Пройдя немного, сажусь на пень, закуриваю новую сигарету и думаю, какие слова скажу этому Шрибнеру, если его найду. Мне досталось задание, где ни черта не известно и приходится постоянно строить догадки.

Сию, думаю и вдруг обнаруживаю, что мысли мои совсем далеки от предстоящей встречи со Шрибнером. Я вспоминаю дамочку, с которой полтора года назад познакомился в Омахе. Редкий экземпляр. Природа щедро наделила ее всем, а если что и недодала, то сущую мелочь. Можно сказать, пылинку, которую и заметить-то невозможно. Вот такая дамочка. Блондинка, страстная и упертая. Такие дамочки позволят вам все, что вы желаете, но при условии, если им самим не захочется еще чего-то. Помню, как сидели мы с этой малышкой на заднем крыльце. Вечер был под стать нынешнему. Она говорила:

– Лемми, ты из тех парней, которым надо все сполна, а если тебе не удастся это получить, ты становишься настолько несчастным, что готов утопиться в озере. Если на тебя нахлынут душевные страдания, не отчаивайся. Ты или выберешься из них, или кто-то перережет тебе глотку. Готова побиться об заклад, это сделает женщина.

Это, парни, подталкивает вас к выводу, что я – парень осторожный и с дамочками веду себя по-умному. Может, так, а может, и нет. Но ни у кого не получается вести себя с дамоч-

¹ В оригинале «Roll Out the Barrel». Имеется в виду популярная полька, написанная в 1927 году чехом Яромиром Вейвдой и ставшая буквально интернациональной. В СССР была известна под немецким названием – «Розамунда».

ками по-умному. Если какому-то парню и удастся слинять от красотки с привлекательной задницей и сверкающими глазами, он просто родился под счастливой звездой и у него чертовски развита интуиция, позволяющая в нужный момент выбрать верное направление. В беду может вляпаться каждый, однако выбраться может только по-настоящему умный тип, особенно если беда связана с дамочкой.

Прихожу к выводу, что бесполезно думать о том, что я скажу Шрибнеру. Сначала нужно увидеть этого парнишу. Бросаю окуроч и двигаю к четырнадцатой лужайке. Она находится на вершине небольшого холма, и когда я туда добираюсь, то вдаль вижу белый домик с красной крышей. Он стоит в долине, окруженный пеленой тумана. Облегченно вздыхаю. Я все-таки нашел это логово.

Спускаюсь с холма, иду через лужайку к белому домику. Начинаю думать о дамочке по имени Джулия Уэйлс и о том, с чего начну расхлебывать это дело. Представляю, как она выглядит, как говорит о чем-то и с кем-то, включая меня. Что это за дамочка, чем она занимается и какой у нее характер? Она может быть милой тихоней, штопающей носки по вторникам и проводящей за этим делом весь вечер, а может оказаться любительницей развлечений и даже скандалов. Хотелось бы заранее знать, что там за Джулия. Это намного облегчило бы мне задачу.

Моя старая матушка очень недоверчиво относилась к дамочкам. Она всегда боялась, что я вырасту копией своего отца (тот всю свою жизнь сражался за честь дамочек, но слишком поздно понял, что, когда дамочка тебе сдается, тут-то и начинается настоящее сражение). Матушка предостерегала меня от каждой особы женского пола в шелковых чулочках и с улыбкой победительницы. Она говорила, что в один прекрасный день такая красотка меня обязательно облапошит. Она ошибалась. Я приобрел собственный опыт. Дамочки почти постоянно пытались меня облапошить (некоторым это удавалось), причем такие потрясающие, что, начни я о них рассказывать, у вас от зависти прихватило бы сердце.

Лет в семнадцать мне встретила рыжеволосая особа с фигуркой, увидев которую вы бы похолодели от изумления. У нее были синие глаза и такой арсенал любовных ухищрений, что Мессалина в сравнении с ней выглядела бы прачкой, по вторникам катающей бельё валиками. В дальнейшем я годами учился ускользать от малышки, с которой по глупости связался слишком крепко. Вот такой я. Либо у меня чрезмерно развито чувство прекрасного, либо я принадлежу к категории парней, всегда стремящихся попробовать что-нибудь новенькое, иначе им становится скучно. А может, я просто люблю учиться. Сам хотел бы знать причину.

Та рыжеволосая многому меня научила. Я встретил ее на вполне благопристойной вечеринке, где подавали лишь шипучие напитки и ни капли виски. Если я говорю, что запал на нее с первого взгляда, то это чистая правда. Я не пытаюсь вас одурачить. Ей было тридцать пять, никаких «плоскостей» – все округлости на месте. Мягкий голос, а смотрела так, что ты невольно понимал желание Адама начать жизнь заново и стать человеком.

Была ли она хороша? Отвечаю однозначно: да, была. Настолько хороша, что любой пособник пятой колонны, увидев ее, вывернулся бы наизнанку и зашелестел, как ива на ветру (подобно тому, как он проделывает это всякий раз, когда кто-то произносит слово «Гитлер»). Она принадлежала к какому-то благотворительному обществу, занимавшемуся устройством досуга молодых парней, чтобы те не напивались по вечерам. Если говорить о моем опыте, деятельность общества была успешной. Эта дамочка так сильно влияла на меня, что целых три недели я ничего в рот не брал. А потом помчался в аптеку за успокоительным для утомленных чувств. Когда я вернулся домой, матушка Коушен, едва взглянув на меня, выплеснула на фотографию моего отца целую банку томатного сока. В банке было две кварты².

Матушка крепко верила в наследственность.

² То есть около двух литров.

Словом... то был мой первый опыт общения с дамочками. Впоследствии я никогда не оглядывался назад, за исключением случаев, когда цыпочка в коротенькой юбочке и с соответствующими ножками поднималась на стремянку. Ну, теперь вы знаете, как обстоят у меня дела с дамочками. Однажды вы обязательно должны рассказать о себе, а я послушаю.

Открываю садовые ворота и по пологому склону иду к домику. К этому времени стемнело. Из-за облаков выплыла луна. Продолжаю думать о Джулии и задаваться вопросом, как она может выглядеть. Должно быть, в ней что-то есть, если я на ночь глядя тащусь через лужайку для гольфа, собираясь встретиться с этим Шрибнером. А ведь мог сейчас играть в крестики-нолики с симпатичной рыжей особой, которую вчера вечером встретил в Американском баре отеля «Савой».

Нажимаю кнопку звонка и жду. Через минуту дверь открывается. Вижу крупного парня с толстой шеей. На нем шелковая рубашка с невероятно узким воротником, на пару размеров меньше, чем его шея. Одет он с иголочки. На пальцах поблескивают два перстня с камешками, которые стоят немалых денег. Он улыбается, словно ему приятно меня видеть.

– Могу ли я вам чем-то помочь? – спрашивает он.

Я отвечаю, что да, и представляюсь. Называю ему вымышленную фамилию: Уиллик. Пол Уиллик. Говорю, что разыскиваю молодую женщину по имени Джулия Уэйлс. Спрашиваю, не знает ли он, случаем, человека по имени Макси Шрибнер. Парень отвечает, что знает. Он и есть Макси Шрибнер.

Он стоит, привалившись к дверному косяку. Мне он кажется дельфином, решившим продемонстрировать хорошие манеры. Лицо у него похоже на луну в фазе полнолуния: то есть круглое и вдобавок толстое. Кожа будто резиновая. Толстые губы хоть и выпячены, но имеют довольно красивую форму, почти как у женщины. Такие губки называются «лук Купидона», если вы понимаете, о чем я. У него светло-голубые глаза и практически белые брови. Если бы пришлось выбирать между созерцанием этого парня и остатков еды недельной давности, вы бы нашли меня в кладовой. Про такую физиономию, как у Шрибнера, говорят: «Отворотясь не налюбуеться».

– Ну вот мы и познакомились, мистер Шрибнер. Теперь мы оба знаем, кто есть кто. Может, расскажете мне что-то об этой Уэйлс?

– Конечно! – с готовностью отвечает он. – Проходите в дом.

Он поворачивается и идет по коридору. Следую за ним. В конце он открывает дверь, придерживая ее для меня. Попадаю в уютную комнату с приглушенным светом. В углу стоит письменный стол, заваленный бумагами.

Сажусь в кресло. Хозяин дома предлагает мне сигарету.

– Так чем я могу вам помочь? – спрашивает он. – Может, вы вначале расскажете о себе?

Он доверительно улыбается, словно директор школы, беседующий с новеньким.

– Охотно расскажу, – говорю я. – Как вы уже знаете, моя фамилия Уиллик. Я частный детектив из «Трансатлантического детективного агентства». Это о том, кто я. А вот о малышке Уэйлс я не знаю ничего. Я занимался в Англии совсем другим делом, как вдруг начальство прислало телеграмму с требованием найти женщину по имени Джулия Уэйлс. Она приехала сюда из Нью-Йорка, предположительно три или четыре месяца назад. В телеграмме мне советовали связаться с неким мистером Шрибнером, живущим в Бетчворте. Возможно, он сможет помочь.

– Конечно! – с энтузиазмом произносит Шрибнер. Он идет к камину, где на каминной полке стоит сигарный ящик, и достает сигару. – Вряд ли смогу вам многое рассказать об этой Уэйлс. Мне даже странно, что вам посоветовали обратиться ко мне. В свое время в Штатах я был знаком с Джулией Уэйлс. Наверное, ваши сотрудники каким-то образом увязали мое имя с ее. Хотя я понятия не имею, зачем она приехала в Англию и чем тут занимается.

– Прекрасно, – говорю я. – Значит, вы были знакомы с ней. И что можете сказать? Эта Джулия – любительница развлечений, за которой не уследишь? Или уравновешенная женщина, которая не помчится неведомо куда со смазливим парнем, вскружившим ей голову?

– Ваши люди думают, что причина в этом? Что она могла уехать с кем-то?

Пожимаю плечами:

– Если бы мое начальство знало о ее занятиях и увлечениях, а также где она сейчас, меня бы не просили ее найти. Словом, если у моего начальства имелись полезные сведения о Джулии, они бы содержались в телеграмме. Но раз вы ее видели, то знаете, как она выглядит, и, возможно, подскажете какие-то весьма ценные детали. Согласны?

Шрибнер соглашается и отвечает, что как-то не думал об этом. Сдается мне, что он либо тупой от природы, либо играет дурачка.

– Послушайте, приятель, вам не помешает урок психологии. Вполне логично, что, если лицо дамочки годится лишь для обложки еженедельника кулинарных рецептов, она находится в куда большей безопасности, чем цыпочка, чье личико будит фантазию, намекая на все остальное. Улавливаете логику?

Шрибнер отвечает, что улавливает и что, по его мнению, Джулия Уэйлс принадлежит ко второму типу. Речь у него, как и он сам, какая-то сонная. Я уже говорил, что он похож на дельфина, которого вынесло на берег. Ушлые люди показывают таких дельфинов на ярмарках, беря по десять центов за вход.

– Я бы сказал, что Джулия Уэйлс – женщина привлекательная, – изрекает он. – Высокая, стройная, но с женственной фигурой. Ничего схожего с плоскими девицами. Кожа лица приятного белого оттенка, темно-рыжие волосы. Очень изящно двигается. Можете себе представить. – Он ненадолго умолкает, словно припоминая еще что-то. – Джулия запомнилась мне романтической натурой. Непредсказуемой. Она вполне могла увлечься каким-нибудь парнем и рвануть вместе с ним.

– Понятно. И это все, что вы о ней знаете?

Шрибнер кивает.

– Вообще не понимаю, зачем ей понадобилось ехать в Англию, – говорит он. – Если только ее действительно не увез какой-то парень. Я так думаю...

В этот момент дверная ручка поворачивается. Дверь медленно открывается. При виде входящего парня удивляюсь, как это со мной не случился сердечный приступ. Открываю рот, но вошедший меня опережает:

– Привет, Макси. А что здесь делает этот хмырь?

Расслабляюсь и смотрю на него. Симпатичный, высокий парень с широкими плечами и узкой талией. Руки он держит в карманах пиджака. Чувствуется, правая рука что-то сжимает. Скорее всего, пистолет. Макси удивлен.

– Послушай, Рудольф, ты не ошибся? – спрашивает он. – Это мистер Пол Уиллик из «Трансатлантического детективного агентства». Он ищет молодую женщину – Джулию Уэйлс. А ко мне он пришел, поскольку думает, что я располагаю какими-либо сведениями о ней.

Рудольф улыбается.

– Будешь мне рассказывать! – говорит он. – А знаешь, кто он на самом деле? Этот хмырь зовется Лемми Коушен. Род занятий – агент ФБР. Восходящая звезда их ведомства, принадлежащего Министерству юстиции Соединенных Штатов со штаб-квартирой в Вашингтоне, округ Колумбия. Полтора года назад этот ублюдок сцапал Вилли Крича и всю шайку. А уж моих дружков, ухлопанных им, столько, что я со счета сбился. Значит, здесь он решил косить под какого-то Пола Уиллика? Сейчас лопну от смеха!

– Послушайте... – пытаюсь вмешаться я, но Макси взмахивает рукой:

– Пасть заткни, мистер Коушен. Порядочные люди так себя не ведут. Ты вторгся в тихий дом в живописном уголке старой доброй Англии, назвавшись чужим именем. Тем самым ты

начал опасное дело, которое тебе уже не закончить... Рудольф, что мы сделаем с этим мерзавцем? – спрашивает Макси, затягиваясь сигарой.

Рудольф достает из кармана пистолет и кладет на стол. Сам садится на стул рядом.

– Макси, какой смысл понапрасну терять время на всякую ерунду? Мне этот парень давно не нравится. А то, что он влез и начал вынюхивать насчет Уэйлс, мне не нравится еще больше. Тут впору нос морщить от вони. Мы с ним поступим так, как он того заслуживает.

Макси энергично кивает. Похоже, он вышел из спячки и проявил интерес к окружающей жизни.

– Рудольф, я очень сожалею, что так вышло, но ты прав. Думаю, нам нужно позаботиться о мистере Коушене. – Он встает, подходит ко мне. – Ну не дурак ли ты? Появись ты чуть раньше, не встретился бы с Рудольфом. А не встретился бы с Рудольфом, ушел бы отсюда на своих ногах. Теперь не уйдешь. В двух милях отсюда есть канализационный коллектор. Мы тебя туда спустим, и поплывешь ты, миля за милей, прямо в море. Это будет интересным путешествием, только ты уже не почувствуешь никакого интереса.

Я хохочу во все горло.

– Вот что, толстяк, – говорю я Макси. – Неужто ты надеешься провернуть такую штучку? Здесь Англия, и местные копы очень не любят парней, которые занимаются убийствами, а трупы сбрасывают в канализационные коллекторы. Не успеешь оглянуться, как тебя схватят... Погоди, я еще не все сказал. Ты напоминаешь мне кишки слона, перепившего уксуса. Ты так ничтожно мал, что без стремянки даже под пузом слизня не проползешь.

– Болтай, Коушен, болтай, – ухмыляется Шрибнер. – Можешь трепать языком, пока он ворочается. А я посмеюсь потом. Скоро твой треп прекратится. Твоя большая пасть наполнится канализационным дерьмом, а угри будут лакомиться твоим носом. Как тебе такой расклад, дружок?

Открываю рот, готовясь высказать все, что думаю о его родителях, но еще раньше получаю от него кулаком по физиономии. Удар сильный, даже зубы затряслись. Хватаюсь за подлокотники кресла, намереваясь рывком вскочить и захватить этому придурку в живот. Но моя затея гибнет в зародыше. Не он от меня, а я от него получаю коленом в живот. После этого тихо вырубаюсь.

В сознание прихожу на каменном полу. Голова упирается в стену. Руки и ноги связаны, но тот, кто это делал, не особо усердствовал. Узел такой, что можно зубами развязать. Похоже, завязывал его Рудольф. Голова раскалывается. Добавьте к этому нехилую боль в животе. Освобождаюсь от веревок и прислоняюсь к стене. Здесь холодно, сыро и душно. Похоже, меня запихнули в каменный подвал, но сейчас мне не до его расположения. Думаю о Рудольфе.

Перво-наперво скажу вам, парни, никакой он не Рудольф. Потому-то я чуть и не заработал сердечный приступ, увидев его в этом логове. Его настоящее имя Чарльз Милтон. Он агент ФБР, работающий в Оклахоме. Отсюда понятно, почему он избрал такую линию поведения. Ему дали задание втереться в доверие к Шрибнеру. Вот он и назвался Рудольфом. Почему – надеюсь, объяснит. Возможно, он действует успешно. Во всяком случае, успешнее меня. Может, уже заручился доверием Шрибнера, и тут вдруг я сваливаюсь им на голову.

Похоже, Милтон подозревал, что Шрибнер знает, кто я на самом деле, и попытается меня обмануть. Вдобавок ему нужно отвести подозрение от себя. И тогда Милтон разыгрывает шикарный спектакль, заявляя, что я – Лемми Коушен, которого нельзя оставлять в живых. Шрибнера такой исход вполне устраивает, а его доверие к Милтону только возрастает.

Встаю, потягиваюсь. Сую руку в карман. Зажигалка на месте. Щелкаю и при свете ее огонька осматриваюсь. Это действительно подвал с каменными стенами и низким потолком. В одном конце вижу груды угля и бревна. В другом – железную дверь. Сую руку в другой карман. К моей радости, портсигар уцелел. Закуриваю, чтобы расслабиться и думать дальше.

Теперь дело Джулии Уэйлс интересует меня больше, чем прежде. Если этот тюфяк Шрибнер готов меня ухлопать, только бы помешать мне что-то разузнать о малышке Уэйлс, значит кому-то она очень важна. Пытаюсь представить, как эта дамочка выглядит, кто она такая и чем зарабатывает на жизнь, когда никуда не пропадает.

Мои глубокие раздумья прерывает лязг железной двери. Она открывается. Вспыхивает фонарик. Это Милтон.

– Эй, Коушен, как ты тут? – спрашивает он.

Отвечаю, что в полном порядке, за исключением мелочей. Голова ощущается включенной циркулярной пилой, и кишки саднят.

– Это пройдет, – обнадеживает Милтон. – Тебе нужно убраться отсюда, и побыстрее. Через пятнадцать минут вернется Шрибнер. Когда он появится, скажу, что ты начал буйствовать, поэтому я усмирил тебя свинцом и скинул в канаву. Шрибнер считает меня горячим парнем из той шайки. По его мнению, я только-только приехал из Штатов. Хочу, чтобы этот жирный боров подольше оставался в своих иллюзиях. Думаю, ты понял мою игру с тобой. По другому было бы никак.

– О'кей, приятель, – отвечаю ему. – Я не в обиде. Но нам бы не помешало встретиться где-то в другом месте и поговорить об этом дельце.

– Обязательно поговорим. Работенка обещает быть не из легких. Она мне уже не нравится, – признаётся он и спрашивает, где я остановился.

– В Лондоне. Но может, мне есть смысл немного поторчать в этих краях?

– У меня идея. В Доркинге есть гостиница «Белый лев». Приличное место. Отправляйся туда и сними номер. Завтра я тебя навещу, тогда и поговорим. А сейчас двигай отсюда. Нельзя, чтобы эта груда сала застала тебя здесь. Это испортило бы нам все дело, чего мне совсем не хочется.

У меня самого нет желания задерживаться здесь. Выбираюсь из подвала, надеваю шляпу и сваливаю.

Ночь просто прекрасная. Лужайки гольф-клуба, залитые лунным светом, смотрятся еще живописнее. Иду в сторону шоссе на Доркинг. Стараюсь держаться в тени, чтобы ненароком не попасться на глаза возвращающемуся Шрибнеру. Но вокруг никого. Выхожу на шоссе и шагаю в сторону Доркинга, попыхивая сигаретой и насвистывая песенку. Похоже, работенка обещает быть интересной, даже если Чарли Милтону она уже не нравится.

Возможно, и дамочка Уэйлс окажется интересной малышкой.

Глава 2

Любитель малины

Вот что я вам скажу, ребяташки: если ищете место, где можно наскучаться по полной, советую снять номер в какой-нибудь провинциальной гостинице и сутки из него не вылезать. Нигде вам не будет так скучно, как в этих четырех стенах.

Я торчу в номере «Белого льва» весь день. Во-первых, я не настолько глуп, чтобы вылезти и вдруг нос к носу столкнуться со Шрибнером, который явно не верит в призраков. Парниша сразу поймет, что его нагрели. Во-вторых, не хочу разминуться с Чарли Милтоном. Добавьте к этому полное отсутствие в гостинице виски (пойло, которое они так называют, не в счет), кривоногую и косоглазую горничную, и вы поймете, в какой дыре я оказался. Да, жизнь бывает паршивой. Возможно, вы это знаете и без меня.

Лежу на кровати, курю. Сделав очередную затяжку, начинаю думать о Джулии Уэйлс. Делаю это по двум причинам: больше мне думать сейчас не о чем, а размышлять о дамочках у меня нечто вроде хобби. Вам бы тоже стоило попробовать. Великолепное времяпрепровождение. Всякий раз, когда вам нечем заняться, примите горизонтальное положение на ближайшей кровати или диване (на крайний случай развалитесь в кресле) и начинайте думать о дамочках.

Лежите вы, покуриваете, и перед мысленным взором проплывает целая галерея малышек, цыпочек, или как вы их там называете. Вот дамочка-загляденье, к которой вы клеились в тысяча девятьсот таком-то году. Она водила вас за нос, создавая иллюзию взаимности, но в самый ответственный момент вдруг поняла, что залипла на другого парня. А вот дамочка, залипшая на вас, причем крепко, отчего вам стало скучно. Потом вам вспомнится другая, на которую залипли вы. Вам с ней было до жути хорошо, и вы понимали: долго так длиться не может, что и случилось. И наконец, дамочка, с которой вы всегда хотели познакомиться, однако она еще не нарисовалась на горизонте вашей жизни. Большинство парней проводят все свободное время в мечтаниях о такой дамочке. И даже печальный факт, что она не существует, не прекращает их мечтаний.

Может, в юности кто-то поделился с вами одним житейским секретом. Все парни – мазохисты. Стоит вам увидеть на улице какого-нибудь улыбающегося типа, вы готовы на последний десятицентовик поспорить, что либо он выплатил последний взнос за «бьюик», либо она сказала: «Да, я готова...» Учтите, она ни слова не сказала про «когда». И тем не менее парень улыбается во весь рот, и жизнь ему кажется вазой с большим букетом жимолости. Если же у него жалкий вид, причин тому тоже две: она или сдержала обещание, или нет. Разницы в этом никакой.

Итак, лежа на кровати, покуривая и пытаясь угадать, когда же Милтон соизволит появиться, я думаю о самых замечательных дамочках, попадавших мне в жизни. Самые замечательные – те, что входят в вашу жизнь и выходят из нее раньше, чем вы успеваете удовлетворить собственное любопытство. В том, что касается дамочек, каждый парень – прирожденный исследователь, а если ему нечего исследовать, он сникает.

Где-то часы бьют одиннадцать вечера, и с последним ударом раздается стук в дверь. Она приоткрывается. Чарли Милтон вначале просовывает голову, убеждается, что попал по адресу, и входит. В одной руке у него сифон с содовой, в другой – пара бокалов, а оттопыренный внутренний карман пиджака намекает на бутылку. Войдя, он плотно закрывает дверь.

– Уловка сработала, – сообщает он. – Минувшей ночью, когда Шрибнер вернулся, я ему рассказал, какой шум ты учинил в подвале. Пришлось тебя усмирить насовсем, а тело бросить в реку с кирпичом в кармане. Вторым я тебя огрел по мертвой голове, чтобы побыстрее тонул. Этот лопух всему поверил.

Чарли откупоривает виски.

– О'кей, – отвечаю я. – Значит, я – труп. Это меня устраивает. А теперь, надеюсь, ты мне расскажешь об этой Джулии Уэйлс.

Чарли наливает нам по щедрой порции. Мы выпиваем и тут же решаем повторить... для профилактики от микробов.

– Это кажется какой-то фальшивкой, – говорит он. – Расскажу тебе все, что мне известно, а известно мне мало. Но в любом случае это твое задание.

– Что за черт? – недоумеваю я. – Мое задание? Я в отпуске.

– Был в отпуске, – отвечает он и улыбается во весь рот. – Ты находился во временном отпуске. И пока ты любовался английскими красотами, тебе вменялось в обязанности поддерживать связь с посольством. – Он делает большой глоток и облизывает губы. – Директор ФБР целые четыре недели заваливал посольство телеграммами и звонил им, пытаясь тебя разыскать и поручить тебе дело Джулии Уэйлс. Я отправлялся сюда по делам поставок военных грузов, и дело Уэйлс передали мне. Но временно, до твоего появления. – Он закуривает, выпускает дым и спрашивает: – И как отпуск, Лемми? Тебе понравилось?

– Я был в Шотландии. Учился играть в гольф, – говорю я, не отвечая на его вопрос.

– Черта с два ты просто учился, – возражает он. – Стоит мне увидеть тебя на лужайке для гольфа, рядом обязательно оказывается какая-то блондиночка, упражняющаяся с клюшкой. Когда ты вернулся?

– Во вторник. Заглянул в посольство и получил последнюю телеграмму директора. Вчера днем приехал сюда и занялся поисками Шрибнера. В телеграмме говорилось: он первый, с кого я должен начинать поиски. Начальство считает его подозрительным типом.

– Не то слово, – усмехается Чарли. – Теперь слушай, с чего все началось. Есть парень по имени Зигфрид Ларсен. Швед. Живет в Нью-Йорке и работает не то в банке, не то где-то еще. Он какое-то время встречался с этой Джулией Уэйлс и постоянно намекал на женитьбу. Но она не спешила.

Ожидание вовсе не устраивало Ларсена. Дамочка настолько красивая, что любой парень залипает на нее с первого взгляда. К тому же этот Зигфрид вбил себе в голову, что у нее есть кто-то другой, потому она и тянет с окончательным ответом. Он очень волновался из-за своей цыпочки. И вдруг его волнения разом заканчиваются. Джулия объявляет, что готова выйти за него, и если это его устраивает, то на следующей же неделе.

Чарли наливает нам еще по порции. Мы выпиваем, и он продолжает:

– Малыш Зигфрид на седьмом небе. Конечно же, его все устраивает. Он спешно подготавливает необходимые документы, покупает себе новый костюм и в назначенный день мчится в городскую ратушу, где ждет появления своей драгоценной Джулии. Но она не появляется.

Сначала Зигфрид просто ждет, потом сердится, а дальше начинает паниковать. Он обращается в полицию. Там обзванивают больницы и станции скорой помощи, однако никто ничего не знает о Джулии. Она словно испарилась.

Вскоре Зигфрид отправляется в Бюро по розыску пропавших и орет на них во всю глотку, требуя найти его драгоценную Джулию. Сотрудники бюро принимаются за дело, причем с усердием, однако и они не могут найти следов Джулии. Вот так.

– Это мне понятно, – отвечаю я. – Я лишь не пойму, зачем ФБР встряло в это дело? Мы такой работой не занимаемся. Это забота полиции и того же Бюро по розыску пропавших, но никак не наша.

– Согласен с тобой, Лемми, – подхватывает Чарли. – Однако этот Зигфрид вовсе не такой глупенький, как тебе могло показаться. Он обращается к адвокату и говорит, что готов щедро заплатить за поиски Джулии, поскольку полиция и Бюро по розыску пропавших не достигли успехов. Он спрашивает у адвоката, каким способом лучше всего искать Джулию. Тот, недолго думая, говорит, что надо подключать федералов. Дескать, те обязательно найдут. Малыш Зиг-

фрид кое-что знает о круге наших интересов и потому найдет способ подать дело так, чтобы ФБР включилось в работу. По мнению адвоката, это должно выглядеть как нарушение федеральных законов. Скажем, Джулию насильно увезли за границу. И адвокат подбрасывает Зигфриду мыслишку: есть достаточно оснований предполагать, что Джулию похитили...

– Да, этот адвокат не напрасно ест свой хлеб. Умная идея, – усмехаюсь я.

– Согласен. Тогда адвокат спрашивает Зигфрида, известно ли ему, с какими еще парнями общалась Джулия. Зигфрид рассказывает, что одно время она залипла на парнишу, который крупно наварился на устройстве нелегальных лотерей в Детройте. Думаю, ты уже догадался, что это не кто иной, как Шрибнер.

Адвокат попытался разыскать Шрибнера и, естественно, не нашел. Думаю, не очень-то и искал. Зато прецедент налицо. Адвокат и Зигфрид обращаются в ФБР с заявлением об исчезновении Джулии и ее возможном похищении Шрибнером.

– Понял. Такое заявление заставило Федеральное бюро расследований подключиться к работе.

– Верно. Это прямое нарушение федеральных законов, и тут не отвертишься. Федералы занялись поиском Шрибнера и выяснили, что красавец усвистал в Англию. У наших ребят сложилось мнение, что история с похищением не прокатывает. Они сомневаются, что Джулию вообще кто-то похищал. Просто она раздумала выходить за Зигфрида и сбежала от него. Но нужны подтверждения. Словом, нужно найти Джулию. Поэтому директор отправил тебе телеграмму. Раз ты здесь во временном отпуске и, как хороший мальчик, поддерживаешь связь с посольством, ты возьмешься за это необременительное дело, сочетая его с отдыхом. Вместо этого ты сам исчез в шотландских горах, где обнимался с какой-нибудь дамочкой в клетчатой юбке.

– Злостная клевета, – отвечаю я. – Не был я ни в каких горах, и клетчатую юбку она не носит. Эта экзотика кончилась на ее предках.

– Только сомневаюсь, что ты это заметил. Клетчатый узор в темноте не различишь. В общем... я приехал сюда по вопросам ленд-лиза. Директор меня просил взглянуть на этого Шрибнера и выяснить, знает ли он что-нибудь о Джулии. А когда ты появишься... если сам не исчез в Шотландии... я должен был передать это задание тебе.

– Как ты нашел Шрибнера? – интересуюсь я.

– Его мне нашел Скотленд-Ярд, – говорит Чарли. – Сунулся туда, встретился с твоим старым другом Херриком, и он за три дня нашел мне адрес Шрибнера. Я ему не сказал, зачем мне нужен Шрибнер. Я сам приехал в Англию всего три дня назад. Выяснил, где находится логово Шрибнера, и позвонил туда из Доркинга. Ответил женский голос. Я спросил, дома ли Шрибнер. Дамочка вместо ответа спрашивает: «Это Руди?» Я отвечаю «да» и жду, куда все повернется. Голос у дамочки становится возбужденным. Она говорит, что мне нужно появиться как можно быстрее. Федералы сели Шрибнеру на хвост из-за дела Джулии Уэйлс, и потому он хочет срочно встретиться со мной. Я подыгрываю дамочке. Потом она спрашивает, давно ли я в Англии. Я понимаю, что этот Руди должен откуда-то приехать. Скорее всего, из Штатов. Дамочка повторяет: мне нужно срочно увидеться с Макси, который возвращается завтра. Она просит вначале позвонить Макси, объяснить, кто я, и сообщить время своего прихода. На основании услышанного делаю вывод: прежде Шрибнер с этим Руди не пересекался.

Тогда я решаю разыграть небольшой спектакль. Выжидаю денек, затем звоню и разговариваю с Макси. Говорю, что я – Руди, приехал три дня назад и собираюсь с ним встретиться. Он обещает подъехать к границе владений гольф-клуба и встретить меня там. Потом спрашивает, как я выгляжу. Мое предположение подтверждается: до этого он Руди не видел. Я рассказываю, как выгляжу, он встречает меня на машине и везет в свой белый домик... Эта часть тебе понятна?

Отвечаю утвердительно и снова прикладываюсь к виски, чтобы лучше соображалось.

– Я провел у него часа три или четыре, и вдруг появляешься ты, – продолжает Чарли. – Мне только-только удалось разговорить Шрибнера, изображая внимательного слушателя. Даже напрягаться не пришлось. Шрибнер – лопух. Он настолько туп, что проглатывает любую стряпню, которой его потчуют. Рот у него не закрывался, а я слушал. Спрашивает, как остальные парни. Отвечаю, что в лучшем виде. Он смеется. По его мнению, про Джейки Ларю такого не скажешь. Вряд ли Джейки в Ливенворте³ наслаждается жизнью. Парень, которому дали как минимум «пятнашку», если не пожизненное, вряд ли будет весело насвистывать. Отвечаю, что Джейки не унывает и не теряет надежды выпутаться. Из разговора понимаю, что Руди – гангстер, входящий в шайку Джейки Ларю. Меж тем Шрибнер пока ни словом не обмолвился о Джулии. Я решаю оставить эту тему на потом. И тут вдруг появляешься ты и портишь мне всю игру. Естественно, мне это совсем не понравилось. Значит, ты вернулся из своей глуши, получил телеграмму директора и быстренько намылился сюда. Когда Шрибнер назвал тебя Полом Уилликом – частным детективом из «Трансатлантического детективного агентства», мне это тоже не понравилось. Из разговора с дамочкой я запомнил, что Шрибнеру намекнули насчет федералов, висящих у него на хвосте. Похоже, он учуял крысу. И тогда я решил, что от тебя не убудет, если я проверну небольшой трюк и скажу, кто ты на самом деле. Это укрепит доверие Макси ко мне, а если случится заварушка, я тебя всяко вытащу.

³ Ливенворт – федеральная тюрьма в штате Канзас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.